

Могилевской. Сложно утверждать, является ли это случайностью или проявлением исторической памяти, связанной с тем, что в 1863 г. именно в Гродненской губернии из белорусских губерний больше всего проявилось повстанческое движение. Вместе с тем очевидно то, что тематика восстания вызывает максимальный интерес в Польше, но имеет минимальную привлекательность для пользователей из Украины и России. Литва и Беларусь занимают промежуточное положение. Показательно, что видные участники восстания в каждой из стран приобретают характер сугубо национальных деятелей, т.е. если в реалиях восстания такие деятели как ксендз А. Мацкевич, К. Калиновский или Р. Траугутт были друг для друга и для современников представителями одного круга, то в современных условиях для пользователей из разных стран они воспринимаются как не имеющие отношения друг к другу исторические персонажи, имеющие четкую национально-географическую «локализацию».

Список источников

1. Google Trends [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.google.ru/trends/>. – Дата доступа: 18.10.2023.

И.Д. Мансуров, студент

*Научный руководитель – С.В. Андриайнен, кандидат исторических наук
СПбГЭУ (Санкт-Петербург)*

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

«Нет благороднее миссии, чем сохранение исторической памяти во имя светлого будущего» – эта мысль, высказанная Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в 2015 г., безусловно, актуальна в эпоху информационной конфронтации и исторического ревизионизма [1]. В последнее время, ввиду развития средств массовой коммуникации и СМИ, информационно-психологические войны становятся действенным инструментом по формированию взглядов индивида на исторические процессы. Сегодня, на фоне попыток некоторых стран переформатировать сознание граждан путем продвижения противоречащих реальности идеологием, возникает угроза дестабилизации отношений между народами, нациями или государствами. С начала 1990-х гг. такая проблема встала в обретших независимость странах Балтии – Латвии, Литве и Эстонии. В статье представлен анализ исторической политики и политики памяти в Латвии.

Цель работы: дать оценку манипулятивным действиям латвийских элит по переписыванию истории.

Актуальность рассматриваемого вопроса вызвана тем, что современная трактовка советского периода в истории Латвии, связанная с его очернением местным истеблишментом, вошла в ранг идеологии и стала препятствием к нормализации отношений с Россией. В случае Латвии, Литвы и Эстонии такая идеология жизненно необходима недавно сформировавшимся независимым субъектам политики в целях сплочения нации, определения векторов внутренней и внешней политики и удержания власти. По мнению Р.Х. Симоньяна, индоктринированная трактовка периода пребывания в СССР стала идеологическо-правовой опорой политических режимов этих стран [2]. Во многом этим и объясняется неудавшиеся попытки Российской Федерации разрешить проблемные вопросы исторического прошлого с Латвийской Республикой. Начиная с 1997 г., российская дипломатия неоднократно выступала с инициативой создания международной комиссии историков. Примечательно, что подобные практики успешно реализовывались Российской Федерацией в партнерстве с некоторыми европейскими странами (например, с соседней Литвой). В 2010 г. на основании соглашения президентов Д.А. Медведева и В. Затлерса российско-латвийская комиссия историков была сформирована. Однако через восемь лет такой формат по инициативе Риги был свернут [3].

Особое значение в закреплении индивидом социальных установок отводится историческому мифу – укорененному в сознании индивида искаженному или полностью противоречащему действительности представлению об историческом процессе или событии. Заложенный в основу латвийской государственности «оккупационный миф» стал удобным обоснованием внутри- и внешнеполитического вектора Риги [4]. Как отмечает В.В. Воротников, ревизионизм истории в Прибалтике определил ее западноцентричный вектор развития [4]. Этим, в частности, объясняется взятый Латвией курс на укрепление суверенитета посредством вступления в ЕС и НАТО.

Историко-правовая оценка советского периода дана в следующих декларациях Сейма Латвийской Республики: «Об осуждении осуществляющегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик», «Об оккупации Латвии», «О 75-летней годовщине со дня окончания Второй мировой войны и необходимости создания всеобъемлющего понимания событий в Европе и мире» и пр. Несмотря на регулярно публикуемые органами государственной власти Российской Федерации комментарии, заявления и постановления, в которых разъясняется абсурдность подобных деклараций,

действия российской стороны не находят отклика ни в Латвии, ни на Западе в целом.

Проанализировав содержание представленных выше материалов, можно отметить следующие доминирующие аргументы латвийской стороны: оккупационный характер действий СССР, нарушения международного права и двухсторонних договоров между республиками, уравнивание ответственности нацистов и коммунистов перед преступлениями против народа Латвии. Рассматривая первый довод с позиций актуального на тот момент международного права, стоит подчеркнуть, что согласно ст. 42 разд. III «О военной власти на территории неприятельского государства» IV Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. «оккупированной считается территория противника, занятая в ходе войны или военного конфликта». Поскольку боевых столкновений, равно как и угроз войны между СССР и республиками Балтии не было, а ввод ограниченного воинского контингента СССР был обозначен в пакте о взаимопомощи с Латвией в 1939 г., действия СССР как «оккупацию» с юридической точки зрения охарактеризовать нельзя. Тем не менее, не стоит отрицать имевшие место попытки провокаций со стороны СССР, нередко приводившие к военным стычкам. Однако эти локальные инциденты не отменяют того, что присутствие советских войск в прибалтийских республиках было мотивировано взаимным согласием сторон.

Одним из ключевых тезисов латвийской политики памяти является уравнивание действий РККА и Вермахта. Подтверждением тому служит недавно принятый Сеймом Латвийской Республики Закон «О статусе участника Второй мировой войны». Согласно нему, статус участника Второй мировой войны приобретает в случае, если на момент 17 июня 1940 г. комбатант являлся гражданином республики. Таким образом, статус ветерана могут получить и бойцы РККА, и военнослужащие Вермахта или частей СС. Это свидетельствует о попытках искажения истории посредством стирания различий между противниками и пособниками А. Гитлера.

Согласно заявлениям латвийских властей, совершенные в «период советской оккупации» преступления требуют индивидуальной уголовной ответственности и международного осуждения (по формату Нюрнберга или Токио). При этом многие зарубежные и отечественные историки сходятся в том, что подобное противопоставление некорректно по своей сути. Если присутствие СССР в Прибалтике обосновывалось военно-стратегическим положением на северо-западе, то экспансионистские устремления А. Гитлера представляли угрозу для существования латвийской идентичности. Впоследствии это подтвердилось бесчинствами немцев на территории Прибалтики: только в концентрационном лагере в Салаласпилсе погибло до 100 тыс. человек. Примечательно, что, оказавшись в сфере интересов

двух сверхдержав, некоторые латвийцы осознавали безвыходность положения. В частности, такой позиции придерживался министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс, признавая гарантии безопасности СССР как единственно возможный вариант сохранения своего народа. Именно поэтому принцип неделимости безопасности, к которому апеллируют латвийские историки, является несостоятельным.

Таким образом, на приведенных примерах удалось показать современное состояние политики памяти в Латвии. Продолжающаяся в Латвии политика исторического ревизионизма носит ярко выраженный националистический оттенок. Это позволяет латвийской политической элите спланировать латвийское население и противопоставлять его русскоязычной общине. Однако помимо раскола между титульной нацией и русскоязычным меньшинством мифологизированная историческая политика в Латвии способствует формированию у молодого поколения латвийцев искаженного представления об одном из ключевых событий прошедшего века. Особенно это относится к оценке значимости многонациональной советской армии в осуществлении безопасности в Прибалтике. Нежелание властей сотрудничать с Россией по решению вопросов исторического прошлого еще раз подтверждает тезис о стремлении укрепить в сознании граждан истинность исторической оценки государства посредством «оккупационной доктрины». Это помогает властям Латвии представлять восточного соседа, Россию, как постоянную угрозу для своей страны.

Список источников

1. Лукашенко: В наших умах и сердцах не должно быть места агрессии и насилию [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-v-nashih-umah-i-serdtsah-ne-dolzno-byt-mesta-agressii-i-nasiliju-165042-2015/?ysclid=lor7y673ao837310892>. – Дата доступа: 12.11.2023.
2. Симонян, В. Прибалтика. Вспоминая предвоенные годы [Электронный ресурс] / В. Симонян // Международная жизнь. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/143?ysclid=lou3bx6b7m108404799>. – Дата доступа: 12.11.2023.
3. В Латвии назвали причины прекращения работы «исторической комиссии» с Российской Федерацией [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/v-latvii-nazvali-prichiny-prekrashheniya-raboty-istoricheskoy-komissii-s-rf.html>. – Дата доступа: 12.11.2023.
4. Воротников, В. В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса /

*А.С. Миксюк, кандидат исторических наук, доцент
БГУ (Минск)*

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Историческая память является своеобразным «идентификационным кодом» общества, способом ориентации в социальном пространстве и историческом времени, механизмом поддержания социокультурной идентичности и преемственности поколений. Историческая память не является статичным образованием, она трансформируется в рамках конкретного дискурса, под воздействием внешних и внутренних факторов, меняет содержание и оценочные характеристики в соответствии с запросами государства и общества.

В XXI в. процесс функционирования исторической памяти усложняется в связи с многомерностью мира, тенденцией глобализации, масштабными геополитическими событиями, развитием информационно-коммуникационных технологий, появлением новых механизмов формирования исторической памяти, сложностями верификации информации и др. В таких условиях значение сохранения исторической памяти, бесспорно, возрастает.

На пространстве Содружества Независимых Государств формирование и сохранение исторической памяти имеет свою специфику. Распад Советского Союза, отказ от марксистско-ленинской идеологии, обретение независимости бывшими республиками СССР в начале 1990-х гг. поставили новую задачу формирования национальных идеологий и актуализировали вопрос о национальной идентичности. Возникла дискуссия о том, насколько «советская память может быть определяющей для конструирования нового политического курса в качестве независимого государства» [4, с. 81]. Молодые государства на начальном этапе предсказуемо дистанцировались от советского прошлого и обращались к национальной истории в поисках базиса для новой позитивной национальной идентичности. В процессе укрепления государственности формировались новые исторические концепции, закреплялись представления об уникальности собственного исторического опыта и культурного наследия [2, с. 81].

Однако при наличии собственного измерения исторической памяти государства, входящие в состав СНГ, объединяло общее советское прошлое, которое, кроме того, прочно укоренилось в повседневной жизни. При наличии